

18+

Эльдар Ахадов

Остров Грёз

Избранная проза

Эльдар Ахатов

Остров Грёз. Избранная проза

«Издательские решения»

Ахатов Э.

Остров Грѐз. Избранная проза / Э. Ахатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510648-3

В книге избранной прозы Эльдара Ахатова «Остров Грѐз» представлены практически все виды прозаических произведений автора: реалистические, мистические рассказы, эссе, пейзажные зарисовки, мемуары, притчи, сказки для взрослых и детей. По словам Ричарда Беренгартена (Кембридж): «Глубина и широта видения Ахатова уравновешены пристальным вниманием к тому, что Уильям Блейк именовал «мельчайшими подробностями», а Джерард Мэнли Хопкинс называл «inscape», внутренний глубинный «ландшафт»...

ISBN 978-5-00-510648-3

© Ахатов Э.

© Издательские решения

Содержание

Об авторе книги «Остров Грёз»	6
About the author of the book «Island of Dreams»	7
Ограбление	8
Динозавры на даче	10
«Остров Грёз»	12
Приближение	21
«Исполненный очей»	24
Зван-гора	26
Дедок	29
Следы минувшего	30
Самая короткая ночь	31
Ночь перед расстрелом	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Остров Грѣз Избранная проза

Эльдар Ахатов

© Эльдар Ахатов, 2020

ISBN 978-5-0051-0648-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе книги «Остров Грëз»

«Эльдар Ахатов – выдающийся азербайджанский поэт, пишущий на русском языке.

Разносторонняя многоплановая личность, он одновременно является и горным инженером, и маркшейдером, и исследователем Арктических пространств, земных недр и глубин человеческого сознания, и лингвистом, и критиком, и просветителем, и педагогом.

Он воспекает физическую вселенную вокруг и внутри нас, и в то же время занимается таинственными метафизическими вопросами, которые ставит перед нами наше существование – безграничное и микроскопическое одновременно.

Глубина и широта видения Ахатова уравновешены пристальным вниманием к тому, что Уильям Блейк именовал “мельчайшими подробностями», а Джерард Мэнли Хопкинс называл «inscape», то есть внутренний глубинный «ландшафт», каждого отдельного явления, и, соответствующие им, уникальные модели и перемещения энергии («instress»).

Его дух сочетает в себе страстный интеллектуальный поиск с сочувствием и великодушием. Его стихи поют и дышат страданием и радостью, но прежде всего они излучают надежду.

Во всех этих отношениях Ахатов не просто образцовый человек нашего времени, но и для нашего времени, и для нашего будущего. Он не только интернационалист, но и «имажинационалист» («imaginationalist», то есть человек, который верит в примат воображения).

*Ричард Беренгартен
Кембридж, июнь 2020*

Ричард Беренгартен родился в 1943, всемирно известный поэт из Великобритании, преподаёт в Кембридже, имеет великое множество литературных наград высшего достоинства. Его поэзия переведена на сотни языков народов мира.

«Эльдар Ахатов-настоящий и самобытный поэт, как в жизни, так и в поэзии. Я уважаю его как личность и восхищаюсь его новаторским талантом. Его рассказы о Сибири волшебны.»

Эдуардо Эспина

Эдуардо Эспина родился в 1954, уругвайский поэт и эссеист, доктор философии. Поэт и профессор колледжа в нескольких университетах Американского континента, входит в Энциклопедию Британники и более 20 антологий латиноамериканской поэзии. Поэзия Эспины изучается в университетах Латинской Америки, Европы и Соединенных Штатов. Его стихи переведены на множество языков народов мира. За своё творчество как поэта, так и эссеиста Эспина имеет множество наград.

«Ваша душа схожа с душой Уильяма Блейка. Ваши творения будут жить вечно.»

Мордехай Гельдман об Эльдаре Ахатове

Мордехай Гельдман родился в 1946, известный во всем мире поэт, художественный критик, эссеист, фотограф, психолог из Израиля, его поэзия переведена на множество языков народов мира.

About the author of the book «Island of Dreams»

«Eldar Akhadov is an outstanding Azerbaijani poet writing in Russian. A man of many parts, he is also a scientist, geologist, arctic explorer, excavator, linguist, critic, educationalist, and teacher. He involves himself with both questioning and celebrating the physical universe around us and within us, and, equally, the mysterious metaphysical questions that our existence poses to us all, which are both vast and miniscule at once. His depth and breadth of vision are balanced with a close attentiveness to what William Blake called the minute particulars and Gerard Manley Hopkins named the inscape and instress of things. His spirit combines passionate intellectual enquiry with empathy and magnanimity. And while his poems sing and breathe suffering and joy, what they emanate above all is hope. In all these respects, Akhadov is not merely a model man of our times but for our times, and for our future too. He is not only an internationalist but an imaginalist.»

Richard Berengarten
Cambridge, June 2020

Richard Berengarten was born 1943. He is a world-famous poet from Great Britain, teaches at Cambridge, has a great many literary awards of higher dignity. His poetry has been translated into hundreds of languages of the peoples of the world.

«Eldar Akhadov is a true and original poet, both in life and in poetry. I celebrate him as a person and admire his innovative talent. His stories about Siberia are magical.»

Eduardo Espina

Eduardo Espina was born 1954. He is uruguayan poet and essayist, doctor of philosophy. A poet and college professor at several universities in the American continent, he is a member of the Britannica Encyclopedia and more than 20 anthologies of Latin American poetry. Espina's poetry is studied at universities in Latin America, Europe and the United States. His poems have been translated into many languages of the peoples of the world. For his work as a poet and essayist, Espina has many awards.

«You have a soul similar to that of William Blake. Your creations will live forever.»

Mordechai Geldman about Eldar Akhadov.

Mordechai Geldman was born 1946. He is a world-famous poet, art critic, essayist, photographer, psychologist from Israel, his poetry was translated to many languages.

Ограбление

С утра дул сильный промозглый ветер, по небу стремительно струились облака. Затем отовсюду крупными хлопьями пошёл снег. Зима вернулась. Перед объявленным на завтра всеобщим городским карантинном мы собирались провести дачу. Таня, соседка по дачам и добрый надёжный товарищ нашей семьи, позвонила Любе в тот момент, когда мы уже намеревались выходить из квартиры. Оказывается, она уже побывала на своём дачном участке. Выражение лица у моей жены в процессе телефонного общения быстро менялось. Не отрывая уха от трубки сотового, она начала делать мне знаки, видимо, намекая на какую-то важную новость.

Новость, действительно оказалась важной: нас ограбили. То есть, на нашей даче побывали грабители. Что именно они там натворили, Таня толком не поняла, но то, что внутрь дачного домика через окно забирались посторонние люди, что двери хозяйских построек взломаны, она заметила. Я не сторонник розовых иллюзий и представил себе самое худшее: содрали, вывернули и вынесли всё, что можно унести на руках или вывезти на автотранспорте. Получалась довольно прискорбная картина. Позвонил теще и проинформировал её о случившемся, потому что дед хранил в стайке разные плотницкие и сельскохозяйственные инструменты и приспособления, которыми помогал дочери в хозяйстве, пока я трудился на Крайнем Севере.

Видимо, теща перевела мой звонок на громкую связь, потому что на фоне нашей беседы я слышал чёткий спокойный голос деда, пояснивший, что ему особо волноваться не о чем: перед закрытием дачного сезона он вывез из сарая в городскую квартиру все свои инструменты. Кроме электрорубанка. Остальные его «сокровища» хранятся дома в шаговой доступности – в квартирной кладовке.

Однако, судьба рубанка Михалыча всё же беспокоила, и он поехал на дачу с нами. По дороге больше всех переживал я. Даже Тимур, мой младший девятилетний сын, по-своему успокаивал отца: сказал, что возьмёт в сарае палку и побьёт грабителей. Я поблагодарил его, но выразил глубокое сомнение в том, что разбойники терпеливо дождутся нашего появления. Тем более, что нас там не было больше месяца, и когда именно там появлялись незваные посетители, мы не знаем, но скорее всего – не вчера и, тем более, не сегодня.

Реальность оказалась не такой страшной, как представлялась издалека. Двери в сарай и в туалет были вскрыты ломом, который тут же изящно лежал рядом – по верху изгороди. Разбойники не стали возиться с замками, а просто выдернули ломом-гвоздодёром сами крепления из досок обеих дверей. Причем, дверь сарая повредили более всего, вырвав эти крепления «с мясом», то есть, с частью дверного дерева.

Дверь дачного дома была несколько помята ломиком в районе замочной скважины, но так и не вскрыта. Злоумышленник вынул одно из стёкол веранды размером 30 на 40 сантиметров и проник внутрь через открывшийся оконный проём. Таким же образом злодей выбрался обратно, перевернув нашу дачную одежку и бросив её кучей посреди пола. К 50 томам собрания сочинений В. И. Ленина, стоявшим в книжном шкафу, разбойник даже не притронулся.

На кухонную утварь и старый пустой холодильник никто не позарился. Мы прибрали разбросанную верхнюю одежду, дед вставил на место оконное стекло, и в доме помимо нескольких вмятин на входной двери не осталось никаких следов от вторжения непрошенного гостя. Похоже, что банда состояла из одного, причём, довольно шуплого джентльмена, поскольку я, к примеру, через проём 30 на 40 просто не пролезу ни внутрь, ни обратно.

Настроение моё почти что вернулось к норме, когда из сарая раздался горестный возглас Михалыча. Исчез электрорубанок. Стали вспоминать: когда и где он был куплен. Дед трогательно отзывался о нём, словно навеки прощался с добрым другом, который в горе и в радости

верно служил хозяину нелёгкую свою службу. Люба тоже расстроилась. Дети тем временем наигрались в снежки, слепили снеговика, набегались и напрыгались на свежем воздухе. Все перекусили бутербродами и напились горячего чаю из термоса. И засобирались обратно.

Однако, напоследок жена решила проявить общественную сознательность и позвонила в полицию, чтобы уведомить ту о случившейся неприятности. И мы застряли на даче ещё на два часа. Почему? Потому что полиция сообщила о том, что к нам направлена следственная группа для осмотра места происшествия и фиксации наших показаний. Дети убежали в лес – гулять вокруг дачного посёлка. Я сел на ступеньку возле входной двери и стал ждать полицию. Дед горевал в сарае. Люба убежала к отвороту дороги к дачному посёлку – встречать следственную группу.

Приехал полицейский «уазик» – булка. В ней – трое мужчин в полицейской форме и одна бесформенная стройная блондинка. Водитель из «уазика» так и не вышел. Двое красавцев – офицеров и девушка прошли к месту происшествия. Пока парни всё осматривали и протоколировали, я побеседовал с девушкой, которая, как я понял, и была главным специалистом района по разбойничьим делам. Я указал на прямоугольник 30 на 40, через который было совершено проникновение внутрь дома и высказал предположение, что грабитель был либо подростком, либо чрезвычайно шуплым взрослым человеком.

Девушка согласно кивнула и добавила, что их следственная группа хорошо знает злоумышленника, что это не первый случай его деятельности, но ничего особо поделать с ним не может, потому что он умственно отсталый, больной человек. Родители его давно умерли. Последней присматривала за ним бабушка. Теперь и её нет. Поскольку он психически ненормальный, но не буйный, в больницу его не берут, на работу – тоже, жить ему нечем и не на что. Вот он и промышляет по дачам. Ещё она добавила, что после нашей дачи съезжают к нему, тут недалеко, проведут беседу. Но толку от таких бесед мало, потому что никому он не нужен, а в одиночку ему не прожить.

Девушкины слова косвенно подтвердил Михалыч, вдруг обнаруживший, что рубанок – то украли, а новенькие сменные ножи к рубанку, лежавшие на самом виду, никто не взял. «Ну, не дурак ли?» – воскликнул он в конце своей тирады, имея в виду грабителя. «Не дурак, а дурачок», – продолжил я мысленно.

Я живо представил себе этого деревенского дурачка, поскольку помнил такого же в годы своего пензенского детства. Дети вечно дразнили его и бегали следом, а взрослые и особенно пожилые – бабушки, жалели и подкармливали кто чем мог. Опустели нынешние деревни. Некому дурачков подкармливать.

Мы с супругой посоветовались и решили написать, что ошиблись с кражей, что нашёлся дедов рубанок. А деду мы новый рубанок купим. У него, кстати, скоро день рождения. Вот и подарок будет.

По дороге домой в машине я поделился с Тимуром тем, что узнал от девушки-следователя. Он задумался и вдруг сказал; «Пап, а мне что-то жалко этого нашего грабителя».

«Мне тоже, сынок...»

Динозавры на даче

Встреча состоялась сегодня утром. Речь идёт о живых реальных существах, не об игрушках, мультяшках или комиксах. Место события – таёжная местность в нескольких десятках километров от Красноярска, правобережье Енисея. Суша в нашем регионе образовалась примерно 370 миллионов лет назад. Енисей течёт с юга на север более 4000 километров не просто так: река течёт по разлому между двумя гигантскими геологическими плитами: Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской. Расстояние от истока Енисея до его устья почти на тысячу километров больше, чем расстояние от Красноярска до Москвы, которое требует около 5 часов непрерывного полёта. То есть, до Москвы из Центральной Сибири за эти почти 5 часов мы долететь сможем, а вот одну-единственную реку – Енисей – так и не пролетим от начала до конца. На первой фотографии – река Енисей и её берега – левый и правый. Моя дача на ней не видна из-за леса, но место как раз там и находится – на правом берегу Енисея. Располагается она на небольшой плоско-вытянутой возвышенности над рекой на краю замечательного соснового бора, который располагается на горном склоне, завершающемся берегом Енисея. Место достаточно живописное. Над плато постоянно кружат крупные хищные птицы – коршуны. Их характерные крики я часто слышал, а парящие силуэты в небе – наблюдал возле неподалёку в прошлом году. Вода на моей даче своя – горная, из скальных сланцев, с глубины 22,5 метра.

Накануне, проходя мимо бака с водой для полива растений (она в нём специально прогревается и отстаивается, ледяной подземной водой напрямую растения поливать нельзя) заметил угольно чёрный силуэт, как мне в тот момент показалось, ящерицы, выбежавшей из высокой травы, чтобы пересечь тропинку и спрятаться под баком. Размером примерно в 6 – 7 сантиметров. Это типично таёжное сибирское земноводное на самом деле называется сибирский углозуб. Большую часть жизни взрослые особи углозуба проводят на суше. Активны в вечернее время и ночью. Днём скрываются под корягами, валежником, прошлогодними листьями вблизи водоемов. Иногда могут зарываться в ил, выставляя наружу только ноздри. При длительном нахождении на суше кожа углозубов очень быстро высыхает, становится темной, почти черной. «Экий дракончик!» – невольно подумал я и запомнил этот смоляной чёрный силуэт.

Земноводные, к которым относятся и углозубы, обитали на Земле ещё до появления динозавров. Лапы у них были расположены по бокам туловища, как у большинства современных ящериц. Около 300 млн лет назад во время каменноугольного периода, по мнению учёных, произошёл эволюционный взрыв среди рептилий. На сегодняшний день остатки самых древних динозавров имеют возраст около 230 миллионов лет. Однако в 2010 группа американских, немецких и южноафриканских палеонтологов представила в научном мире совместную работу, согласно которой первые динозавры населяли Землю на несколько миллионов лет раньше, чем это было принято считать. Свои выводы они сделали, проанализировав остатки новой найденной динозаврообразной рептилии, которая является родственным динозаврам видом, жившим 245—240 млн лет назад.

Интересно, знаменитое Лох-Несское чудовище – земноводное или рептилия? Судя по имеющимся фотографиям, всё-таки рептилия. Профиль головы очень уж характерен.

Итак, наступило утро 17 мая. По привычке я рано проснулся и, дабы никого не будить, вышел с кружкой горячего ароматного чая на веранду. Солнце радостно поднималось. Выводили рулады местные соловьи, и тут... в ярких лучах рассветного солнца я заметил нечто необычное, напоминающее компактные стайки небольших динозавриков.

Встревоженный увиденным, я немедленно сошёл с крыльца и направился туда. Я долго наблюдал за тем, как шевелятся, безмолвно общаясь между собой характерные серовато-зелёные драконьи головы. Запоминал, как то, одна, то другая голова диплодока, архозавра, бронтозавра и как там их ещё... согласно кивала остальным головам, и «совещание» продолжалось.

Попытался заснять на фото такое чудо. И, знаете, удалось. Разумеется, я понимаю, что динозавры – животные, а не растения, но, как же они были в те минуты схожи с папоротниками! Думаю, что по фотографиям вы это и сами заметили...

Конечно, это всего лишь папоротник, но всё-таки приятно обнаружить такую внешнюю схожесть. Можно ведь и обратное представить?! Например, с точки зрения соседей по дачам...

Папоротники – одни из древнейших высших растений, появившихся около 405 млн лет назад в девонском периоде палеозойской эры. Диплодоки вдвое моложе. Папоротники можно назвать безмолвными свидетелями рождения динозавров, их существования и гибели. Кто сказал, что динозавры не могли оставить некий фотографический «отпечаток» в памяти ДНК папоротников? И родилось растение – динозавр, называемое почему-то «страусник обыкновенный», или «страусопёр германский», или «страусовое перо», или «веламкуч», или «разнолистник», или «чёрный папоротник» – якобы за схожесть листьев с перьями страуса.

Видимо, в те времена, когда люди давали это название растению, никто на Земле ещё не был осведомлён о динозаврах!

Исконное русское название папоротника произошло от древнеславянского слова «папороть», восходящего к той же основе, что и употребляющиеся ныне слова «перо» и «парить». И действительно, разветвлённые, перистые листья этого растения чем-то похожи на расправленные крылья птицы. В ведической Руси папоротник был посвящён богу грома и молнии Перуну. Народные названия папоротника невероятно красивы и очень выразительны: перунов огнецвет, жар-цвет, разрыв-трава, кочедыжник, чистоус, сорокозуб, золотник... всех и не перечислить.

Основная способность папоротника – это защита от многочисленных козней нечистой силы. Славяне неизменно сажали папоротник в затемнённых участках сада, чтобы отпугнуть злых духов. Славянские волхвы и ворожеи-ведуны сжигали папоротник на ритуальных кострах, дабы вызвать дождь во время засухи. По поверьям, пучки папоротника, принесённые в дом, защищают его обитателей и само жилище от грозы и ударов молнии. Если же в дом вдруг неожиданно-негаданно пришла беда или заболели жильцы, то необходимо скорее спалить веточку папоротника на живом огне домашнего очага.

И всё-таки общее у папоротников и динозавров, пускай и невольно, но подмечено людьми. Мы упоминали о том, что своё имя папоротники у славян получили по схожести с перьями птиц... Согласно последним данным молекулярной биологии и палеонтологии, разнообразие современных птиц – страусы, утки и куры – берут начало от трех групп птиц, возникших в конце мелового периода. Так вот, динозавры никуда не исчезли с лица Земли! «Нет никаких сомнений в том, что птицы – это динозавры в широком смысле, – утверждает Луи Чиаппе, директор Института динозавров в Музее естественной истории округа Лос-Анджелес. – Слишком много фактов говорит об этом...» Согласно данным филогенетической таксономии все современные нам птицы на земном шаре – это динозавры! А все динозавры древности условно разделялись на два вида – птичьи и не птичьи. Вымерли только четвероногие динозавры, а птичьи динозавры – двуногие – никогда не вымирали! Об этом говорит большинство исследований, проведённых с конца 1970 годов.

Стоя возле папоротников, я вдруг слышал знакомые характерные крики в небе над своей головой. Взглянул туда и сразу заметил знакомые с прошлого года тёмно-коричневые силуэты парочки коршунов. Вот и птичьи динозавры вернулись!

«Остров Грёз»

На улице Ленина есть здание, которое многие красноярцы издавна отличают по магазинам «Бурёнка» и «Нива». В данном случае названия – просто опознавательные знаки, как молоко и хлеб. Кроме первого этажа все остальные – обычный жилой дом. На верхнем этаже в самое тёмное время суток озаряется изнутри неестественным светом одно окно.

Между прочим, в эти часы в комнате за этим окном никого нет! Хотя так было не всегда. Когда-то в это время там продолжал работать один человек. Звали его Матвей Филипчук. Он был художником...

Не спит художник по ночам,
И вместе с ним не спят картины,
Где прикасаются к очам
В снегах сибирские равнины,
Где знойный воздух пирамид
Мелькнёт по сердцу ветром шалым,
Где лишь свеча во тьме горит,
Пронзая бездну жёлтым жалом,
Где в воздухе поёт букет,
А звёзды прорастают в небо!
Когда душа летит на свет,
Её описывать – нелепо...
Но прав настойчивый творец:
Он чувствует, как лягут краски
И тысячу своих сердец
Он предаёт всё той же страсти.
Она, как стража на посту,
Из ночи в ночь его тревожит
И водит кистью по холсту,
Когда рука уже не может...

Филипчук был человеком достаточно известным в городе и не только, а кроме картин порой писал и стихи. Рука у него была лёгкая, в его картинах всегда присутствовало много воздуха, от них веяло свежестью. Даже в печали, отражаемой в пейзаже или наброске, чувствовалась «акварельность» мастера, печаль «была светла».

Впрочем, Матвей, как любой нормальный сибиряк, любил и маленькие человеческие радости, то бишь слабости. Как говорится, мог и выпить, и закусить. Резался в преф, обожал кофе, дымящуюся сигарету во время работы, казалось, вообще не вынимал изо рта.

И вот заходит к нему, однажды, в мастерскую (а эта комната служила ему именно мастерской), друг и сосед «по цеху» художник Иван Манилов: не с пустыми руками, конечно, с «пузырём», как положено после творческой заграникомандировки в Германию, заходит и говорит:

– А что как тебе, друг мой, Матвей, да съездить бы со мной к одному моему знакомому в Боготол вещь посмотреть?

– Какую? – спрашивает его Филипчук.

– Там увидишь, – только и усмехнулся Иван, – главное, ответь: едешь или нет?

Хмыкнул Матвей, чертыхнулся, выкурил сигаретку и... согласился ехать. Обратного вернулся Филипчук малость озадаченный, но с добычей: картину привёз. Ясно, что 19 век, что Франция, что рука мастера, а конкретнее – не разобрать: полотно сильно повреждённое.

Хозяин вещи, парень молодой, в деньгах нуждающийся, сказал, что нашёл её в сарае своей покойной бабки. Та её вроде в войну на хлеб выменяла у беженки одной из блокадного Ленинграда, пожалела старую женщину. Она, сказывала бабка, была городская в годах, видать, из старорежимных, из «благородных мадам», на деревне первый раз, да ещё зимой, в мороз, ничего не умеет, точно бы окоцурилась. Да, вот, бабкины через улицу соседи сжалились, приютили: до весны у них пожила. За каким лихом её вообще через такую даль занесло, – не понять было.

А весной она вовсе сгинула: говорят, приехали за ней ночью, знамо кто тогда ночами за людьми приезжал, увезли – и ни слуху, ни духу. Так вот картина у бабки осталась. Название она, когда на хлеб менялись, черканула на бумажке: кажись, «Остров грёз» какой-то. Сначала бабка картину на стенку повесила, а как за беженкой приехали, так она от греха подальше из рамки её вынула и в сараюху заховала курам на подстилку.

Лет десять после войны на ней куры ночевали, а потом так – в сараюхе инструмент всякий хозяйственный да банки-склянки ненужные хранились. А года два назад бабули не стало. Ну, после похорон да поминок халупу её куда-то же девать надо было. Все уже в городе давно живут, она одна там болталась, съезжать не хотела: «Где,» – говорила, – «живу, там и помирать буду». Так оно по-бабкиному и получилось. Про картину внучок прознал ещё когда в пионерах был. На лето приезжали они семьёй в деревню, навещали старуху. Юный пионер – он ведь как? Он ведь юный следопыт – Чингачгук, «Большое ухо», «Зоркий глаз»! А сарай старый – самое место для всякого такого. Приволок как-то следопыт бабке это полотно, думал: старая тряпка в краске, – на, мол, бабуля, старушечью радость, может, ещё полы мыть стодится.

Тут она и вспомнила про войну да про картину, и название, которое на бумажке, потом вместе отыскивали в альбоме со старыми семейными фотографиями...

Невнятен шёпот фотографий,
Покрытых блёклой желтизной.
В них нет печали эпитафий
И сплетен краски расписной.
Лишь тот расслышит их историк,
Служитель новых аллилуй,
Чей взгляд рассудочен и горек,
Как запоздалый поцелуй...

Новому хозяину бабкиного добра (так, в общем-то, само сложилось, что его родители избегали, как черти ладана, всего, что хотя бы отдалённо напоминало коммерцию) надо было картину как-то пристроить, что-то за неё получить, желательно побольше, а с Маниловым он был раньше ещё знаком по автомобильным делам, оба любили всякие мотокроссы типа «Дебри» на «Нивах», на этой почве и сошлись...

Манилов-то мужик с хитрецей, не то что Матвей. Прикинул он так и этак, в каталогах порылся, определил, что работа явно крупного мастера, манера близка к импрессионизму, и то, что это – подлинник, – безусловно. Женщина, привезшая картину в Сибирь, недостатком эстетического образования явно не страдала, и весьма сомнительно, чтобы она тогда и оттуда, изпод бомбёжек, потащила бы с собой какую-нибудь копию.

Однако, владелец картины, заметив как Иван поглядывал на неё, смекнул, что вещь не простая, хотя ему и «гонят пургу» про её ветхое состояние, а всё ж интересуются, и в итоге заломил такую цену в баксах, что ни одному современному художнику в России мало не покажется! Манилов уехал не солоно хлебавши. Но вернулся. С Филипчуком.

У того тоже денег таких, конечно, не было, даже если б он заложил в ломбард всё своё имущество вплоть до старых «семейных» трусов (хотя старых боевых товарищей не сдают, потому что их сдают в последнюю очередь). Но! Поскольку картина была в ветхом, мягко

говоря, состоянии, то её следовало бы для начала отреставрировать, а потом уж предлагать самым сумчатым кошелькам, каких можно будет сыскать (за проценты, разумеется). После долгих переговоров и совместных раздумий с закуской и стопарями на том и порешили. Так картина уехала из Боготола в Красноярск, находясь в том незавидном положении, когда, ежели бы она была человек, то не помнила бы кто она такая и как её зовут. На реставрацию.

Филипчук решил заняться ею лично. Зачем это взбрело ему в голову, он потом так и не сумел себе объяснить. Что поделаешь: ну, есть в нём нечто мечтательное, романтическое, как его борода и несколько прищуренный взгляд, – как понесёт куда-нибудь, как вынесет, у-у...

Видать, зацепило чем-то Матвея то невнятное белесо-голубое пятно посреди холста, которое «Островом Грёз» обозвали... Может, тоже захотелось помечтать, погрезить, так сказать... Короче, хрен его знает. Но привёз.

Манилов, как всегда, закрутился с заказами: он был довольно модным портретистом. Однажды, к примеру, даже супругу президента Лиана изобразил (не нарочно, конечно, просто, ну... получилось так). И остался Филипчук один на один со звонками из Боготола. Бабкин внучок, если что не так, обещался лично приехать в город, да не один, а с большими дружными ребятами, которые быстро и с гарантией помогут ему добиться от Филипчука всего ими желаемого, в частности, даже учёбу в школе, которую бабкин внучок окончил лет 10 назад, оплатить тоже. Куда деваться? Надо было что-то делать. Вот, для начала, Филипчук решил снять с картины копию, потренироваться в реставрировании на ней.

Натянул свежий холст на подрамник. И начал писать. Но что именно? Больше всего Большое Белесоголубое пятно-остров напоминало просто облако, а никакой не остров. Хотя, судя по остаткам краски, то, что было вокруг него, вполне могло быть и водой...

Есть облака, что тают постоянно,
Плывя на юг по лону океана.
Бесследен путь и холодна вода
Под облаками тающего льда.
Их солнце жжёт. В них так сверкают грани,
Что сгустки света пляшут в океане.
Так чувства наши: вспыхнут иногда,
Чтоб в бездне лет исчезнуть без следа.

Филипчук писал «копию» практически интуитивно, ещё не зная толком, что именно у него получится. Но чем глубже затягивала его работа, тем сильнее становилось в его душе ощущение беспокойства и незримого присутствия рядом с ним чужой осознанной воли:

– Да, нет же никого! Что я озираюсь, как малохольный? И чёрт же меня дёрнул этой мазнёй заниматься! Нет, что-то же смущает меня? Но что? Будто подсматривает кто-то... Наверно, в комнате слишком душно...

То, что родилось под его рукой на полотне, более всего напоминало огромный ледяной айсберг, плывущий под пустым небом по ночным волнам бескрайнего океана. Но что-то было во всём этом не то... Филипчук отошёл от мольберта и нервно закурил. Стоп. Надо заварить кофе. Сходил с чайником в душевую, набрал воды, щёлкнул тумблером нагревателя, стряхнул пепел в пепельницу, присел на краешек кресла...

Мелкие хозяйственные дела всё же слабо отвлекли его от подспудного тревожащего душу чувства. Ему казалось, что с полотна кто-то следит за каждым его движением. Стараясь не глядеть на созданное им самим же произведение, не допив чашки, он быстро одел дублёнку, натянул на голову шапку-пирожок, выключил свет сначала в комнате, затем в коридоре, вышел за дверь, закрыл её на ключ, вызвал лифт и немедленно уехал...

Следующим утром он не стал торопиться в мастерскую, подъехал к 12-ти. Вошёл. Огляделся. Ничего особенного. На картине – обычный айсберг, волны, небо и... и всё. Однако, работа в этот день у Матвея всё равно не клеилась:

– Что же это такое?! Опять вроде за мной подсматривает кто-то. И кому я только сдался? Что за мной подсматривать?.. Так скоро сам с собой начну разговаривать...

Прокурив полпачки сигарет и выпив несколько чашек кофе, в крайнем раздражении на самого себя он ушёл не дожидаясь сумерек.

Весь следующий (воскресный) день Матвей пропьянствовал на даче приятеля возле речки Базаихи. Вот там ему было хорошо. Так хорошо, что весь понедельник он вынужден был провести дома в постели с сырым полотенцем на голове и капустным рассолом (всё-таки классная вещь!) на прикроватной тумбочке.

В мастерскую его явно не тянуло. Ну, ладно, предположим, когда-то скульптор Пигмалион влюбился в созданную им же Галатею, и она ожила. Но, во-первых, грек создал скульптуру человека. Во-вторых, она вызвала в нём только исключительно положительные эмоции. А здесь-то, у него, у Матвея, что случилось? Рассуждая по трезвому (гм... насколько это возможно), он Филипчук, написал копию полусгнившей картины, интуитивно стараясь угадать то, что на ней было изображено раньше и испугался. Чего именно, если это – просто пейзаж? Каким образом, откуда и почему возник этот дурацкий страх? Ведь не чертей же он рисовал, а обычный кусок льда посреди океана!

Мысленно выругавшись, Матвей во вторник утром собрался духом и направился в мастерскую. Дойдя до «бурёнкиного» дома и собираясь набрать код двери подъезда, он вдруг ощутил на своём плече тяжесть чьей-то крепкой руки.

– Господи! Началось! Вот оно! – вздрогнул Филипчук. Рука так здорово сдавила его плечо, что он даже чуть-чуть присел. Это был Манилов, уже поддатый, но ещё не дошедший «до кондиции». Всю остальную часть вторницкого дня друзья старательно обмывали деньги, полученные Иваном за большую работу, которую он вчера успешно завершил и сдал заказчику. Они пили, пели, вспоминали всякие разные весёлые случаи и, наконец, Матвей уснул.

Проснулся он среди ночи, мучимый противоречивыми чувствами: сильнейшей жаждой на почве похмелья и острым желанием немедленно пописать пока не поздно. Он тут же удовлетворил свои желания, но в обратном порядке: сходил в туалет, а потом выпил всю воду из горла чайника. Ф-ф-у, полегчало.

Иван-то, видать, ушёл ещё засветло, поскольку в мастерской было темно (за исключением туалета, где кто-то из них не выключил свет ещё с обеда). Матвей захотел узнать который сейчас час, но верхний свет по такому случаю включать ему было лень, и он решил обойтись настольной лампой. Почти наощупь нашёл её и включил. Половина второго ночи. Приехали! До дома уже не добраться: автобусы не ходят, на такси денег нет, пешком идти на правый берег – сил никаких. Из дома не звонили, привыкли, что у творческого человека самое горячее время работы – ночь.

Матвей осторожно поднял глаза на картину. Да, ничего, вроде, страшного нет. При свете лампы она показалась ему в этот момент мирно настроенной, даже какой-то немного «домашней»: по воде плыл, отражаясь в волнах, красивый гигантский айсберг. Вот только пустое небо тяготило. Внезапно Матвей почувствовал чего же именно не доставало на полотне для завершенности, подошёл к нему и, взяв кисть, почти машинально нанёс ею всего один штрих – росчерк на небесном своде: яркую летящую звезду. Довольный своей догадкой, он решил поискать, не осталось ли чего похмелиться, и, к своему удовлетворению, нашёл. Заботливый Иван, уходя, оставил в бутылке возле кресла грамм сто пятьдесят. Филипчук, мысленно поблагодарив приятеля, осушил стакан и закусил хлебушком.

Ещё дожёвывая хлеб, Филипчук почти нечаянно обернулся к картине и... остолбенел. Недожёванные крошки выпали у него изо рта. Казалось, художник на некоторое время потерял всякую способность шевелиться и даже более того – что-нибудь соображать...

На картине произошли изменения, которых не касалась его рука! На волнах появилось отражение звезды. Мало того: сам айсберг и его отражение (вместе со звездой) составляли в совокупности очертания нечеловеческого лица. Говоря конкретнее, это было лицо старика с козлиной бородкой, проступившее в отражении воды и видимое как бы сквозь воду, но при этом само оно (Филипчук это чувствовал) человеческим явно не было, то есть не являлось лицом «хомо сапиенс». Художник ощутил это буквально собственной кожей, сквозь которую его мгновенно начало знобить. Мало всего этого: ожившее ОНО наблюдало за ним острым колющим взглядом, как бы, не отпуская от себя.

Матвей вдруг почувствовал, что теперь, повинувшись взгляду, не сможет выйти из комнаты до утра. Взгляд управлял им, контролируя все его мысли и поступки. И ведь оживил ЭТО он сам, на уровне интуиции догадавшись (или ему это было подсказано чужой волей?) насчёт того последнего недостающего росчерка!

Через некоторое время художник заметил, что лицо на картине стало исчезать, как бы растворяясь, пока водный пейзаж окончательно не опустел. Однако, напряжённое состояние от этого только усилилось, поскольку появилось ощущение того, что в комнате он теперь не один. И точно: боковым зрением Филипчук заметил внезапное появление какого-то существа на скамейке возле настольной лампы:

Не приближайся ко мне! Только не приближайся! Нет! Что ты делаешь? Уйди!.. Уйдите!.. Дяденька, пожалуйста. Милостивый государь, прошу Вас! Сударь... Дедушка... Ну, как тебя там? Не надо, а? У меня печень больная, я плохо вижу, я устал. Я больше не вынесу этого! – обрывки фраз проносились в голове художника. Самым жутким было то, что существо это никак не перемещаясь, как бы сразу очутилось там, где очутилось, явившись мгновенно и ниоткуда.

Оно представляло из себя хмурого старика чуть ниже среднего роста в нижнем белье кофейного цвета с чёрными хлопчатобумажными носками, надетыми поверх кальсон. На голове старика находилось нечто вроде ледяной короны в виде остроконечно взбитого кока. Существо, хмурясь и нервно подёргивая тонкими бесцветными губами, читало невесть откуда взявшуюся толстенную коричневую книгу, которой прежде Филипчук никогда у себя не видел. При этом с губ старика не слетало ни звука и, вообще, в комнате царил мёртвая тишина. На Филипчука существо не обращало ни малейшего внимания, точно он был предметом полностью неодушевлённым, как стол или табурет.

Так продолжалось до утренних сумерек, с наступлением которых очертания существа медленно растворились в воздухе, и тут же на картине вновь возник айсберг с летящей над ним звездой. И ничего кроме этого на полотне словно и не было! И всё же Филипчук чувствовал всюду незримое присутствие чужой воли, следившей за всеми его поступками: будто дух того старика пытался внедриться в его мозг, чтобы управлять им.

Матвей ходил теперь в мастерскую к ночи и оставался в ней до утра, ощущая, как теряет рассудок и превращается в придаток к картине, словно явившейся к нему из иного мира. Филипчук ненавидел это полотно весь световой день, но с наступлением темноты опять становился его рабом. Он бросил пить и курить, не притрагивался больше к кофе: всю ночь, как последний холуй, он жадно ловил взглядом каждое движение старика, каждое выражение его вечно недовольного чем-то лица, абсолютно не понимая зачем ему всё это нужно и кто он теперь такой – зомби или человек?

– Ну, почему, почему этого никто больше не видит? Почему только я один? Что я за тряпка такая?! Откуда во мне эта подбострастность, это холопство? «Слушаю и повинуюсь, мой господин!» А «господину» откровенно наплевать на меня – кто я и что я. Обидно, да?

«Моё ничтожество слушает Вас, о, повелитель!.. Ах, вы не смотрите на меня, мой господин!» Как же всё это глупо. Ненавижу – себя, его, всё вокруг! Ненавижу! Отчего так мерзко?! Откуда во мне такое? И ты ещё спрашиваешь: откуда? Да, погляди на себя со стороны, придурок!

И ведь, что интересно: действительно, в его мастерской перебивало множество всякого народа, однако, никто и никогда не видел в этой картине ничего кроме обычного плывущего по безбрежному ночному океану айсберга. Многие её хвалили, но никто ни разу не изъявил желания её приобрести (на что Филипчук тайно надеялся), причём у каждого находились на то свои весомые причины.

Филипчук с нетерпением ждал приезда бабкиного внука. Долго ждал, пока, однажды, Манилов не сообщил ему приятную (как тому казалось) весть: о картине внучок больше не спросит никогда. У него отныне совсем другие хлопоты. Дело в том, что он, решив заняться коммерцией у себя в городе и не имея на то достаточного опыта, наделал кучу долгов, прогорел и скрылся из дома скорее всего навсегда, поскольку общая сумма долга такова, что никакие большие дружные ребята его ему никогда не простят и не спишут. День, когда Филипчук об этом узнал, он посчитал тогда самым чёрным в своей жизни. Но и в этом он ошибся.

Жена начала было ревновать его к постоянным ночёвкам в мастерской. Он, к её удивлению, обрадовался и пригласил её с собой. В ответ она сказала, что ей не 18 лет, чтобы из тёплой постели на ночь глядя тащиться с ним за сомнительной романтикой спанья в холодной мастерской среди запахов краски и вонючего ацетона и... послала его к чёрту. Куда он, собственно, и пошёл, постеснявшись сказать дурацкую правду даже ей.

Блуждает ум, как лист опавший.
Скользит по лицам тёмный взгляд.
И по душе моей уставшей
Кресты знамения творят...

Матвей пытался заставить себя сходить в церковь, покаяться там кому-нибудь, но... но не осмелился и на это, устыдившись самого себя. Тогда он решил выбросить это полотно на помойку.

И, однажды, днём (ибо ночью он уже не имел власти над собой) он так и сделал. – Господи! Наконец-то! Отделался! Свобода! Я счастлив и одинок! Никто теперь не станет терзать мою бедную душу! – облегчённо улыбаясь, думал Филипчук.

Однако, с наступлением темноты Нечто вновь загнало его в мастерскую. И там две ночи кряду он отсидел в непонятном для самого себя горьком раскаянии, ожидая хмурого старика с его кальсонами и коричневой книгой. На третьи сутки днём к нему явился Манилов, как всегда, бодрый и немного под градусом. Под мышкой у него торчала картина Филипчука. Он рассказал, как вчера на улице к нему пристал знакомый дворовый бомж в надежде получить хоть что-нибудь на пропой. Иван, конечно же сразу признав матвееву картину, дал бомжу на бутылку и, довольный, потащил добычу к Филипчуку, рассчитывая на то, что он, естественно, обрадуется возвращению пропажи и, также естественно, оплатит ему за старания вдвойне. Он так и сказал Филипчуку с порога:

– С тебя пара пузырей...

Тому ничего не оставалось делать, как только скорчить, ну, очень благодарную физиономию и бежать за бутылками. Пить он, однако, не стал сославшись на печень. На что Иван, конечно, обиделся, ибо печень печенью, а дружба дружбой, но вида не показал, быстро попрощался и тут же ушёл.

Чувствуя, как изо дня в день слабеет его рассудок, будто читая ту коричневую книгу, старик впитывает через неё в себя всю его жизнь, выталкивая его самого из его же собственного тела, Филипчук решил на крайние меры. Среди бела дня облив картину бензином, он сжёг

её дотла... Но было слишком поздно. На ночь он всё равно остался в мастерской и, видимо, находясь в забытии или, как раньше говорили, «не в себе», – к рассвету нарисовал полотно заново точь-в-точь таким же, каким оно было прежде. Только старик теперь выглядел ещё злее.

Филипчук стал замкнутым, вечно подавленным, начал избегать общения со знакомыми, многих при встрече просто не узнавал в лицо. Даже жена теперь сторонилась его. Чем же всё кончилось? А ничем. И кончилось ли?..

Вдруг случился пожар. Однажды, днём, ближе к вечеру народ заметил клубы дыма в одном из окон самого верхнего этажа. Очаг возгорания быстро загасить не удалось, в огне погиб человек. Труп почти не обгорел, видимо, пострадавший просто задохнулся от дыма. Странно, но погибший не был опознан никем: никто здесь раньше не видел старика в нижнем белье кофейного цвета и чёрных носках. А художник Филипчук исчез, словно испарился.

Он объявлен в розыск, но результатов пока нет. В мастерской погибло много разных картин, но два полотна странным образом уцелели. Станным, потому что находились они в самом эпицентре пожара. Правда, одно полотно – весьма ветхое, на нём всё равно ничего разобрать нельзя, а вот другое – абсолютно свежее: айсберг посреди океана.

Художник Манилов оставил его себе с согласия жены Матвея на память о нём. После ремонта Ивану отдали мастерскую Филипчука. Картина «Остров грёз» висит в ней на самом почётном месте.

...В тихие предутренние часы комната озаряется светом, исходящим от картины, о которой читатели наверно уже догадались. Там, посреди безбрежного океана под яркой летящей звездой проступают в эти мгновения до боли знакомые Ивану очертания лица с бородкой и в короне, напоминающей обычную зимнюю шапку-пирожок.

Только Иван-то этого не видит. Он – не «сова», а типичный «жаворонок» и спит всегда дома. А старое полотно тоже с согласия жены Филипчука, разумеется, Иван отправил на экспертизу и реставрацию в Санкт-Петербург.

Художник Валерий Пилипчук

Памяти моего друга. – заслуженного художника России Валерия Александровича Пилипчука (1947 – 2013)

Целый период жизни заслуженного художника России красноярца Валерия Александровича Пилипчука был посвящен разгадке посланий древних людей, зашифрованных в камнях Хакасии, в том числе и в так называемом «Аскизском яйце».

«Всё начинается с яйца», – считалось в глубокую старину. Когда-то на Востоке оно было символом вечности и олицетворением центра мироздания. Доказательством тому служит и обнаруженный в Хакасии уникальный памятник археологии – миниатюрное каменное изваяние яйцевидной формы, покрытое неразгаданными доселе образами и письменами. Ученые нарекли его «Аскизским яйцом», хотя есть у него и старинное тюркское название: «Кезе паласы» – ребёнок духа.

Сибирский живописец воспринял «Аскизское яйцо», как некое послание древних цивилизаций о непрерывной пульсации жизни в четвёртом измерении Вселенной (то есть во времени). Не понаслышке знакомый с результатами экспедиций профессора Мулдашева в Тибет в поисках следов цивилизаций, предшествовавших человеческой, художник полагает, что цивилизация, обитавшая когда-то на территории южной Сибири, обладала мощнейшими знаниями и духовностью... Словно частицы разума в безднах космоса – стоят на вершинах степных холмов загадочные каменные изваяния – менгиры, а ниже – по голым склонам и ложбинам виднеются, группы камней – балбалы...

Первое впечатление о том, что это – могильные камни, – обывательское заблуждение. На самом деле каждый каменный балбал символизирует поверженного древним хакасским

рыцарем врага. Чем их было больше, тем более прославленным считался победитель. А каждый менгир – как полагает живописец, это письмо предков, обращенное в будущее, возможно и не к нам даже, а к тем, кто придет после... По мнению некоторых исследователей: над каждым менгиром, существует невидимый энергетический столб, устремленный в небо, связующий землю и космос. Древние культуры великолепно владели языком символов, смысл которых, увы, теперь почти утрачен. Мы лишь строим гипотезы о значении многих из них. И только некоторые из знаков всё ещё открыты для нас. Например, изображение тривестра-трилистника – один из любимых мотивов картин Валерия Александровича... Три ветви трилистника – наиболее известный из знаков Вечности. Трилистник – растение, которое выпустило три листа – уже не умрет, не засохнет, даст плоды. Семья, состоящая минимум из трех человек – это семья, в которой есть ребёнок, продолжение рода, надежда на будущее... С изображениями тривестра-трилистника Пилипчук столкнулся впервые при изучении древних культур южной Сибири. Они были обнаружены археологами на кнопках бронзовых зеркал тагарской культуры (Хакасия). Изображен трилистник и на серебряной бляшке, найденной в алтайском кургане близ села Курай, а также на перстне из Сибирской коллекции Петра I. Особенно богато этим знаком декоративно-прикладное искусство Тувы...

«Я – художник», – говорит Пилипчук, – «я и воспринимаю окружающую действительность как художник, творчески: отражая свои ощущения, догадки, прозрения в живописных полотнах. Это касается и работ, посвященных письменам. Так, например, у меня есть работа, на которой я изобразил древние надписи и рисунки, как... карту звёздного неба! Ведь тогда классические очертания созвездий, придуманные греками в другое время и в других местах, – не были известны здесь, в Сибири, и древний человек изображал небо таким, каким оно представлялось только ему, и сам давал звёздам и созвездиям имена.»

Скорее всего, именно творческая страсть к постижению глубинных связей человека с космической природой Земли и привела Пилипчука несколько лет назад из хакасских степей на север Африки к египетским пирамидам. Там, однажды, не удовольствовавшись внешним осмотром, он вошел в темные глубины пирамиды Хеопса и внезапно явственно ощутил незримое присутствие чего-то такого, о чем издревле не принято говорить вслух, ибо Оно – «не от мира сего» ... «Да! Там действительно было Нечто!» – восклицает художник, вспоминая об этом сейчас. Ощущение абсолютной тьмы, какой никогда не бывает на открытом воздухе, и в то же время – безграничного космического пространства, пронизанного... материнской добротой. Так, словно за тобой постоянно следит кто-то очень добрый, родной и бесконечно огромный... В одно мгновение словно гигантская невидимая волна поглотила сознание художника... Очнувшись и уже стоя у входа – возле первой ступени пирамиды, он пытался осознать, что же с ним произошло Там. Он был не в силах даже рукой дотянуться до верхушки самого нижнего из «кирпичиков». После посещения каменного карьера, где «кирпичики» якобы добывались египетскими рабами, он вдруг понял раз и навсегда, что камни эти вырезаны и сложены в пирамиды вовсе не человеческими руками.

Истинное предназначение пирамид, крупнейшие из которых (многокилометровой высоты – с гранями, напоминающими параболические зеркала!) были обнаружены экспедицией Мулдашева в Тибете, человечеству неизвестно донныне: уверен Пилипчук.

Возможно, воспоминания о том случае отразились в картинах «Взгляд из пирамиды», «Спираль времени», «Путь Пришельца», «Пирамида Времени», «Параллельные миры», «Искавленное пространство», а тема космического разума навсегда вошла в творчество художника. От картин Пилипчука веет присутствием иных пространств и миров: образы, создаваемые им, практически всегда стоят на грани зримой реалистичности изображаемого с невидимой, но явственно ощущимой сверхъестественностью события, которое происходит всегда, которое здесь и сейчас, и потому – вечно... Отныне, какую бы картину ни создавала рука художника, на его полотнах рождалось нечто ЖИВОЕ...

Вот к примеру, картина «Айсберг»: чем больше вглядываешься в очертания одинокого гигантского айсберга в океане, тем всё явственней они трансформируются в некую космическую пирамиду, летящую в бездне Вселенной, и на глазах превращающуюся в лицо древнего загадочного седобородого и седовласого старца... Так, постоянное близкое общение с древней культурой Сибири придало многогранность и многоплановость образам, создаваемым художником. Кстати, некоторых надписей и рисунков на древних хакасских камнях, запечатленных им когда-то с фотографической точностью, уже не существует в природе: Увы, они навсегда уничтожены «заботливыми» руками современных варваров. Таким образом, картины мастера неожиданно для себя обрели ценность и уникальность археологических документов.

Полотна художника оставляют впечатление живых существ, которые постоянно наблюдают за нашим миром и изучают нас. Кажется, что внутри них происходят явственные перемены – в зависимости от времени суток, угла зрения, освещения и даже числа присутствующих в помещении людей, с энергетикой которых соприкасается и взаимодействует их духовная энергетика. Действительно ли здесь замешана некая неведомая сила или... это сила воздействия таланта художника, раскрывающего перед нами одну за другой глубинные тайны мироздания?..

Этого никогда не будет невозможно определить точно и до конца, но почувствовать то, что там, внутри картин, что-то есть, к счастью, способна любая человеческая душа. У кого она есть, конечно.

Приближение

Она жила во дворце. За ажурными арками посреди просторного мраморного зала струился фонтан. Из вечнозелёного сада она спускалась по покрытой пурпурными коврами бело-снежной лестнице, подходила к фонтану, присаживалась на прохладный край его каменной чаши и слушала тишину. Дыхание знойного ветра, шелест листвы, пение птиц, нежное журчание воды – каждый звук эхом разносился под высокими сводами. У неё были голубиные глаза...

Вести от принца приходили всё реже. Где-то там, далеко, в горах его армия вела бесконечную изнуряющую войну с магами и чудовищами. А она лишь терпеливо ждала. Ждала звонкоголосых герольдов, цокота конских копыт, шороха знакомого плаща и стремительных шагов за спиной...

Каждое утро она принимала ванны из тёплого парного молока. Певцы, музыканты, танцовщицы, шуты и поэты услаждали её зрение и слух. Знаменитейшие живописцы и скульпторы стремились запечатлеть её образ в своих лучших работах. Искуснейшие кулинары создавали для неё подлинные шедевры. Учёнейшие лекари следили за её бесценным здоровьем.

Однажды, в забыты ожидания ей привиделось огромное алое солнце за морозным окном, дымно-багровые сумерки и её, освещённые закатом, словно облитые кровью, руки!

Она вскрикнула в ужасе и проснулась от сильнейшего удара головой о чугунную батарею отопления, возле которой спала на расстеленном на полу матрасе. «Привидится же такое!» – подумала Шурочка, морщась от боли.

Её муж, механик Алексеев, второй месяц как был в командировке в этом, как его, Тырны-аусе что ли. Только они затеяли ремонт в своей трёхкомнатной квартире на Карбышева: сгрудили в кучу всю мебель, кровати, ковры и шмотки, завезли стройматериалы, как он тут же и укатил. Заусило. Впрочем, это в его духе... Тогда была сносная погода, было настроение, а теперь – ноябрь: по-европейски вроде ещё и не зима, а по-нашему, по-красноярски – уж точно не осень. То давление на улице скачет, то батареи подворачиваются. Головушка моя бедная!

Ведь только свекруха Светку с Вовкой к себе на выходные забрала, только я их проводила, как к вечеру свет отключили. Ну, прям, как назло, ну, я не знаю!.. Ни книжку почитать, ни телик посмотреть. Взяла да и легла спать пораньше. Приснится же всякая дребедень. Форточку приоткрыть, что ли? Батареи раскочегарили так, что дышать нечем. Вонючка-то какая! Чем это там с коридора несёт? Опять, поди, Митяева химичит, с-стерва! (Дверь рядом сбоку на площадке). Ума на копейку. На той неделе мне дохлую крысу под дверь сунула. Думала, не пойму кто, ага! Вот у неё морда была, наверное, когда она эту крыску из своего почтового ящика доставала! Хе-хе... Уй, больно-то как, а! Всё-всё-всё. Спим.

Очнувшись от наваждения, она тут же забыла о нём. Лишь невнятная тревога растворилась в воздухе да влажный ветерок пошевелил верхушки олив... Она прогнала фрейлин, запретила придворным видеть себя. Только два свирепых мавра, охранявших её покои, слышали иногда лёгкую поступь своей госпожи.

Вестей всё ещё не было. Она почти не притрагивалась к пище, которую прислуга незаметно оставляла для неё в трапезной. У неё развилась мигрень, но ни один лекарь не смел переступить порог дворца и нарушить её запрет. Ночью в опочивальне среди влажных от слёз подушек она беззвучно повторяла дорогое имя, взирая с тоской на убывающий лунный серп.

Вдруг неясный едва различимый шорох привлёк её внимание. Звук доносился из мраморной залы с фонтаном. Она зажгла свечу и, осторожно ступая, направилась туда. Посреди зала из фонтана вместо воды струями изливались бесчисленные шуршащие насекомые. Мириады рыжих жесткокрылых тварей расплозились и разбежались вокруг. А из самого горла фонтана, как из чрева, выбиралось исполинское чёрное насекомое.

Она упала без чувств... и опять ударилась головой об эту чёртову батарею! Это ж надо – тем же больным местом удариться! Голова раскалывается. Воды, что ли, сходить попить? Опаньки! А что это в детской комнате треснуло? Там же пусто! Ой, нехорошо как-то!.. А теперь – в коридоре! Старые половицы совсем разошлись. Вот с чего ремонт надо было начинать! А то – так: косметика одна. Вернёшься с командировки, я тебе, Алексеев, припомню, ты у меня попляшешь, механик хренов. Ой, головушка боли-ит! И дышать нечем, во рту какая-то пакость. Нет, всё -таки воды надо попить. Где там у Вовчика свечечка? Ага, один огрызок мамке оставил, поросёнок! Спички над плитой кончаются. Завтра купить – не забыть...

Да что это такое?! Откуда?! Не было же их у меня никогда!.. Я ж терпеть вас не могу! Гады! Тошнит-то как, Господи! Хоть бы кто-нибудь рядом... Хоть голос...

В раковине и вокруг – всюду кишели рыжие тараканы. Их становилось всё больше. А там, в отверстии, куда обычно стекает вода, словно доисторическое Нечто, шевелила усами чёрная тараканья голова. Шурочка взвизгнула, не помня себя рванула назад, споткнулась на пороге комнаты, и, падая, ударилась головой о косяк двери.

Она очнулась на холодном мраморном полу. Насекомых не было. Где-то в саду мирно звенели ночные цикады. Голова, словно сдавливаемая изнутри стальным обручем, раскалывалась от боли. Её подташнивало. Пошатываясь, она встала, опершись о край каменной чаши. Ей показалось, что где-то далеко-далеко зазвучали трубы. Но это был не знакомый приветственный клич герольдов, а нечто иное. Трубы были чужими с низкими и хриплыми голосами. Эти голоса приближались! Затем послышался цокот конских копыт. Сердце отчаянно задрожало. Внезапно она поняла, что находится во дворце совершенно одна: придворные, слуги, стражники – всё исчезло куда-то...

Незнакомые всадники, звеня доспехами, спешили у входа. Но вдруг они расступились и в дверном проёме освещаемая луной появилась исполинская чёрная фигура. Нечто, звеня шпорами, вошло в зал и, сбрасывая на ходу плащ, направилось к ней. Ледяной озноб охватил всё её существо. Дыша смрадом, ощупывая всю её снаружи и изнутри огненными глазами, на неё надвигалось омерзительное мохнатое чудовище! Жуткие лапы с огромными кривыми когтями вцепились в неё... Последнее, что она запомнила в своей жизни, был пронзительный, словно вспышка молнии, нечеловеческий вопль и оглушительный железный грохот.

Вся дрожа от холода и ужаса, Шурочка очнулась и медленно поднялась. Она стояла посреди комнаты лицом к коридору, до рези в ушах вслушиваясь в тишину. От стены до стены прополз отсвет далёких фар. Кровь толчками стучала в висках. Вдруг явственно послышалось, как за спиной Нечто царапнуло оконное стекло. Шурочка застыла:

– Это они! Нет... Неужели всё это правда?!

Звук повторился, мало того, он стал настойчивей. Но ведь четвёртый этаж, такая высота, ведь этого не может быть!.. И всё же Это – было.

Она не могла заставить себя обернуться. Не оставалось ничего, как только стоя смотреть в пустую ободранную стену:

– Нет, нет, нет! Только не оборачиваться! Только, только... На что я надеюсь? Мне же некого звать! Оно услышит меня первым!..

Звук становился всё явственней. Нечто неумолимо царапало дрожащее оконное стекло. Внезапно в свете фар на стене она увидела жуткую тень мохнатой руки с огромными когтями на пальцах, тянущуюся к раскрытой форточке.

– Этого не может быть! Нет!! – Шурочка крепко зажмурила глаза, вновь раскрыла их: рука продолжала тянуться, растягиваясь по стене всё дальше и выше. И тогда она закричала так, как не кричала ещё никогда в жизни! И, словно вторя ей, там, за её спиной, раздался ужасающий жестяной грохот и дикий нечеловеческий вопль, эхом разнёсшийся по всем закоулкам двора...

Обезумев от ужаса, Шурочка влетела в детскую комнату, дрожащими непослушными руками раскрыла окно, взобралась на подоконник. Там, позади неё, в спальном комнате жуткое Нечто пролезало сквозь распахнутую форточку! Она слышала это так явственно, как не может быть ни в каком сне, а только здесь, в жизни, наяву.

– Господи! Хоть бы одно окно горело! Хоть бы где-нибудь!.. Люди!!!..

Но вокруг только непроглядная тьма, всё спит. И лишь одна она, Шурочка, обдуваемая морозным ветром с хлопьями невидимого снега, стоит на самом краю распахнутого окна! Шурочка слышала, как неотвратимое Нечто шлёпнулось на пол и застучало своими копытцами по скользкому линолеуму, покрывавшему разошедшиеся деревянные полы. Оно знало, где найти её...

Сердце бешено колотилось в груди. Идущая кругом голова разрывалась от невыносимой боли. По щекам поползли слёзы. Разом обессилев и обмякнув, она зажмурилась и, как бы нечаянно, – соскользнула вниз... Туда – где лишь стремительный ветер да хлопья снега...

Снег изысканно искрится,
Острым блеском устлан путь.
Снег ложится, как страница,
Чтобы вспыхнуть и уснуть.
Ветер снежной пылью крутит,
Тянет тонкую змею:
Это он в колодце мутит
Воду чистую мою.
Это он в дверные щели
Загоняет сквозняки...
В тёмных окнах – свист метели
И безумие тоски!..

Её обнаружили утром. Под окнами своей пятиэтажки в ночной сорочке лежала на снегу с разбитой головой Шурочка Алексеева. Глаза у неё были какие-то странные, «голубиные что-ли» – отметил про себя следователь...

В квартире нашли облезлую кошку Муську соседей Сидоровых с пятого этажа. Хозяин животного пожал плечами, сказав, что ничего не помнит, из гостей пришли поздно, изрядно выпивши, может, и перепутал окно с дверью, выкинул Муську, чтоб спать не мешала. Вот же скотинка живучая – видать, за чужой подоконник уцепилась!

Шибко горевала гражданка Митяева, – жила-то ближе всех, а новость узнала последней. В ту ночь она осталась у подруги, поскольку усыпала и упрыскала всю свою квартиру средствами от тараканов. И одолела-таки! После возвращения с удовольствием отметила: насекомые куда-то ушли.

– Ну, и дура! – сказала вечером на посиделках перед подъездом Сидориха, – Дом – полная чаша! Ремонт закатали. Муж – руки золотые, не пьёт, дети двоек не носят, свекровка помогает...

– Жила, как в раю, – вставила Митяева, глядя куда-то в сторону.

А у ног хозяйки тёрлась так и некормленная досыта Муська. Порой она вдруг замирала, с тихим урчанием глядя на дворовых голубей, и тогда в её зрачках вспыхивал незнакомый никому зловещий потусторонний блеск.

«Исполненный очей»

Помните песню, исполнявшуюся группой «Аквариум» – «Под небом голубым есть город золотой»? Первый раз я услышал её в кинофильме «Асса». Были там странные слова, обратившие на себя моё внимание с первого раза: «исполненный очей». Как это? Что такое?

Поначалу я счёл, что «вол, исполненный очей» – такая поэтическая метафора. Все знают «воловы глаза» – как бы большие глубокие глаза с поволокой. Я ошибочно решил, что именно этот смысл имел в виду автор текста песни. Но. Это заблуждение. Всё не так. Не так просто.

В Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсис), дошедшем до нас на древнегреческом языке сказано:

«И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади.

И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему.

И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет». Глава 4; стих 6—9.

Не вол, а все четверо животных исполнены очей спереди и сзади, то есть, по всему телу. Или, как минимум, по всей голове. У каждого из этих существ имеются крылья. Количество крыльев – шесть. Как такое может быть, если такое возможно? А если невозможно, то есть ли у человеческого воображения какие-то реальные основания?

Шестикрылые существа упоминаются и в Ветхом Завете. В Книге Пророка Исаяи они появляются в его рассказе о странном видении перед призывом в храм иерусалимский: «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шесть крыльев: двумя закрывал каждый лице своё, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.

И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» Глава 6; стих 2—3.

О глазах ничего не говорится, но шесть крыльев присутствуют. У Иоанна – животные, у Исаяи – серафимы. Существует версия о том, что образ серафимов уходит корнями в облик существовавших ранее духовных существ сирийских мифов, датированных первым тысячелетием до н. э., или в иконографию Вавилона и Ассирии, откуда во всем своем правдоподобии первых представлений об ангелах был заимствован в иудейский и христианский миры.

Итак, некие существа вокруг престола Создателя числом 4 имеют каждый по шесть крыльев и головы их (или тела) покрыты бесчисленными глазами. Фантастически невообразимая картина. Не правда ли, господа?

Однако, у меня возникли некоторые предположения по этому поводу. Пророки были людьми, обладающими великолепным воображением, несомненно. Но. Воображение это имело свои вполне реальные основания. Почему существ ровно четыре? Почему крыльев у них ровно по шесть? Шестью четыре – двадцать четыре. В сутках 24 часа. По шесть часов приходится на четыре времени суток: день, вечер, ночь и утро. Первое существо – день, второе – вечер, третье – ночь, четвёртое – утро. Каждый час – это одно крыло. Вот вам шесть крыльев на каждого серафима! Престол – солнце. Четыре существа с шестью крыльями вращаются вокруг солнца – символ одних суток. Солярное (солнечное) происхождение всей этой истории в данной версии – очевидно!

Теперь о внешнем виде. Глаза – очи. Исполненный очей – покрытый глазами. Есть ли существа, покрытые глазами? Да! Павлин. Рисунок его перьев напоминает глаза, и не просто глаза, а ещё и с переливом! Знали древние о павлинах? Безусловно. Можно представить себе крылья из павлиньих перьев? Да. С какой стороны на них видны «глаза»? С обеих сторон!

Кстати, есть ещё бабочки – «Павлиний глаз». У них по четыре «глаза» на крыльях. Это один вариант. Но есть и другой...

Глаза только на голове. В огромном количестве. Есть ли такие существа в реальности? Есть – стрекозы. Как и у многих насекомых глаза стрекозы состоят из множества маленьких глазков – фасеток – благодаря которым изображение складывается на манер мозаики. Таких фасеток у стрекозы рекордное количество – до 28 тысяч! Более того, если фасетки верхней части глаз стрекозы различают только черно-белую гамму, то нижние фасетки умеют различать цвета, и различают их намного больше, чем глаз человека. Если сетчатка человека поглощает лишь три спектра – красный, зелёный и синий (остальные цвета результат «смешивания»), то фасетки стрекозы – пять, что позволяет ей видеть и в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах!!! Частота зрения стрекозы в четыре раза превосходит человеческую. То есть, если человек видит 24 кадра в секунду, то стрекоза – около сотни.

Итак, что мы имеем? Существа, имеющие глаза на голове, могут их иметь подобно стрекозе – до 28 тысяч глаз!

Теперь по поводу шести крыльев. Около 350 миллионов лет назад в каменноугольном периоде на Земле существовали огромные (величиной с голубя) летающие насекомые -диктионевриды, предки стрекоз. Размах крыльев у них был порядка сорока сантиметров. Один из видов диктионеврид – стенодиктия обладал шестью крыльями. Дополнительная пара маленьких крыльев у них располагалась возле головы. То есть, ими стенодиктия могла прикрывать голову (точно, как в описании пророка Исайи!).

Давно уже пришёл к выводу, что искать в космосе инопланетный разум, предполагая его абсолютное человекоподобие – наивно и бессмысленно. Многообразие разновидностей разума во Вселенной очевидно. Оно может быть и «исполненным очей» и шестикрылым. Каким угодно. И древние пророки, возможно, что-то знали об этом. А, возможно, и нет. Но во всяком случае их речи могут представляться нам странными лишь потому, что мы многого не знаем из того, что было известно (или представлялось) им.

Зван-гора

– А я вам говорю – есть там пещера! Ну, как это «нет»? Ну, и что? Ну, ходили вы там двести двадцать раз, там не только вы ходили, там и до вас и без вас много народу перебивало... Только не каждому то место открывается! Не каждому!.. Почему мне открылось?.. Да, потому что... Это... А шут его знает! Буду я ещё тут с вами гадать! Открылось и открылось. В роду у нас люди были простые, работающие... Червоточины в нас нет... Может, поэтому? Не завидовали никому никогда. Работали и работали. Знали, каким потом честный хлеб достаётся.

– Егорыч, а можно кому-нибудь ещё ту пещеру увидеть? Ведь всё вокруг с пацанами излазили, везде тусовались, и по Зван-горе чуть не каждый день ходим, всё о ней слышали, а видеть там – ничего не видели... Только один ты остался из тех, кто ту пещеру видел и сам в ней побывал... Ну, будь человеком! Своди нас туда хоть разок, покажи! Мы и отстанем. И смеяться не будем... Честно-честно!..

– Это вы – то, оглоеды, смеяться не будете?! Ну, да!... Нет у меня к вам веры никакой! Вы ж, безобразники натуральные... Сколько раз вы надо мной смеялись? Сколько озоровали, бесстыдники?.. Я вас спрашиваю!..

– Да ладно, Егорыч, наезжать-то... Мы ж по-честному хотели. Правда, Вовка? Хотели по-честному?..

– Правда!.. Своди нас туда, Иван Егорыч! Паж-жа-луста!..

– Ну, ты глянь в Вовкины глаза! Смотри, как парень в пещеру хочет! Раньше титьку у мамки так не просил!.. А тебя просит. С уважением. Да, Вовк?.. Эх, ребята, замучили вы меня!.. Лучше отстаньте!.. Не верю я вам. Не верю!

– Ну, ладно, Егорыч... Ты уж на нас не обижайся. Мы даже думали тебе... может... денег предложить? Ну, это... как за работу, в общем... Как проводнику – за труд как бы...

– Деньги?.. Мне?!.. Ах, вы!.. А, ну, марш отсюда! Чтоб духу вашего здесь не было!.. Вот же поганцы какие!.. Ну, я тебе, Митька, припомню!.. И чтоб мимо ворот моих!.. Чтоб!.. А-а.. Ну, вас, к едрене-фене!..

Поганцы такие: всё на деньги переводят. А? И откуда в них это? Паразиты! Особенно Митька Лалетин! Вовка-то, ладно, пацанёнок ещё. А тот!.. Бугай здоровый! И шебутной – в отца! Ох, Генка Лалетин, Геннадий Иванович не знает! Ох, он Митьку исполосовал бы ремешком-то по жопе!.. Ви-идел я, как Митюня с такими же как сам, охломонами, водочку-то за огородами попивал... Поди и покуривал!.. Не могёт быть, чтоб их мамка про то не знала! Значит, выгораживают... Генка дознается, ну, и влетит же поганцу! Батя на двух работах вкальвывает, а сынок, значит, водочку... И Лалетихе достанется. Жалко её, да, что поделашь? «Кошка скребёт на свой хребёт».

– Иван Егорыч!..

– Чего тебе, Вовка? Что за братцем-то своим не побёг? Думаешь, не знаю, что он за огородами делает? А кто прошлым летом мне на лысине зубной пастой крест нарисовал? Да ещё ведь кружочком обвели! Думаешь, Егорыч не догадался?.. Самый жаркий день был в году! Ну, вздремнул я чуток возле своих облепих в своём саду... Кому какое дело?! Да, ладно, не мотай головой!.. Знаю, что братец тебя надоумил. У самого – тямы бы на то не хватило.

– Не я это...

– Не ври! В глаза смотреть!.. Вот так. Что? Голова опускается? Значит, не совсем ты ещё спорченный?.. Уже хорошо.

– А про пещеру расскажете?..

– Ишь, наострился!.. Ладно, расскажу. Слушай, только не перебивай, не то по шеям получишь... Значит, так. Чтоб тебе жизнь мёдом не казалась, рассказывать я тебе начну

с самого начала, про которое ты думаешь, что ты его знаешь... Ничего подобного! В этой истории никто не может знать всего. Никто! Кроме Господа Бога!

А было так: давно ещё, лет, поди сто пятьдесят назад, если не больше, проходил в наших краях тракт купеческий. Как раз промеж Малой да Большой Зван-горами. И поселились там, в пещерах, лихие люди, душегубы. Шайка. Разбойничали. Атаманами у них два брата были, два Ивана: старшой да меньший. Слышал про золотых зайцев-то?..

Не-ет... Из золота, что ли?..

– Ну, да! Людей так работающих называли. Старателей. Уходили они в одиночку в тайгу за лучшей долей, золотишко там мыли. Работа тяжёлая. Впроголодь жили. А потом с добычей к людям возвращались. Только мало кто из них разбогател. Грабили их. Охотились на них, как на зверей. Отнимали у них золото, а самих – убивали. Приходилось им выходить из тайги тайно, петлять, как зайцам. Оттого их и прозвали в ту пору «золотыми зайцами». Вот на них и охотились братья Иваны с подручниками своими. Много они людских душ загубили. И купчихами, конечно, не брезговали, грабили всех подряд, кто попадётся.

Только сколь верёвочке, говорят, не виться, а концу – быть. То ли облаву на них жандармы устроили, то ли сами они друг дружку поубивали-перессорились: но кончилось их время.

Время-то кончилось, а слухи пошли, что спрятано в пещере под Зван-горой кровью омытое, награбленное золото. Нашлись, конечно, охотники. Начали его разыскивать. Говорят, находили даже чего-то в разных местах. Но мало. Основное-то место никому в руки не давалось.

Будто исчезла та пещера с лица земли! Начисто. Стали поговаривать, что дружили братья с духом Зван-горы, с хозяином, значит, и просили его напоследок зорко стеречь своё золото, не выдавать никому. И заклятье наложили. А кто шибко искать будет: либо сгинет, либо умом тронется!..

Да-а... Мать моя, покойница, царство ей небесное, сказывала мне: в девках, ох, бойкая была! В те времена (уже советская власть началась) открыли у нас рудник золотой. Как раз неподалёку от Зван-горы. Ну, ты там по штольням лазил, знаешь. До войны-то он гремел! Ого!

– На всю Россию?

– На весь Советский Союз, дурак! Историю учить надо! Вроде ведь немного времени прошло, а вы, пацаньё, уж и не знаете ни черта! Куда учительница – то смотрит?! Запоминай, Вовка, пока я жив. Не станет меня, вырастешь, вспомнишь Егорыча. И за свои проказы стыдно станет. Вот, помяни моё слово! Так оно и будет!.. Так вот, мать моя с подружками на Зван-гору тогда по ягоду ходила. Полный короб брусники набирала. Это после смены! Она ведь на шахте стволовой работала, за клетью следила, за подъёмником значит. А тогда на работе пахали по-комсомольски – на совесть. Сейчас и близко того нет!... И неподалёку от тропы, где вы бегаёте, в войнушки играете, в Чечню эту дурацкую, завидела она покрытый мхом камень. Присела на нём передохнуть. А камень... провалился! То ли промоина, то ли яма под ним оказалась, а сбоку так в той яме – скала обнажилась. А в ней – трещина. Проход как бы... Ну, матушка тогда – девка смелая была – комсомолка, активистка, ударница, во всякие пережитки прошлого не верила. Созвала она подруг, показала всё, место это платком своим пометила... Повязала его на лиственницу, которая возле ямы росла.

На следующий вечер после работы девчонки парней с рудника с собой позвали. Решили они вместе в трещину войти, обследовать там всё: поняли, что там пещера раскрылась.. Взяли они с собой аккумуляторы шахтные, с какими горняки под землю спускаются, свечей набрали ещё. Ну, и пошли с песнями да с шутками, как обычно девки с парнями ходят: на прогулку вроде, на экскурсию...

Сначала им зал открылся. Довольно широкий. И потолки – высоко-око так! А потом из зала – как бы колидор пошёл. Всё уже да уже... Кое-где протискиваться приходилось.

Недолго они там были. Никак, говорила, не больше часа. Вдруг лампы чахнуть начали, аккумуляторы сели. В шахте-то они на шесть-восемь часов рассчитаны. Вроде заряженные были. А тут садиться начали. Оказалось, что и свечи у них прогорели почти...

А тут в пещере расширение началось, только они хотели в него идти, как оттуда загудело что-то. Потом крик был – жуткий такой. Мать про него как вспоминала – сразу с лица менялась. Будто мучают кого-то, убивают... И рыдания. В голос... А следом – земля под ногами у них затряслась. И вихорь чёрный из темноты – как налетит!.. Говорила, вихрь этот крутил их, крутил и выталкивать начал. Напугались все в усмерть! Вышвырнуло их вихрем из пещеры-то! Одного за другим: как семечки! Мать говорила, только она Божий свет увидела – упала в траву и сознание потеряла! И все они одновременно сознания лишились...

А ведь их там человек пятнадцать было, не меньше! Во-от...

Очухались они, оглянулись: а трещины той нет! Обвалилось всё! Пробовали разгрести. Куда там! Ещё пуще валиться стало. Осыпалась земля: и скалы уж не видно. Вот тогда-то и припомнили историю про братьев-разбойников...

– А ты, Иван Егорович, как? Ты же говоришь, сам там побывал?..

– Э... То опосля было. Много лет прошло. Война кончилась. Сталин умер. Я уж годов на семь старше твоего Митьки был. Взрослый мужик. Послали меня, зачем не помню, в райцентр. Председатель коня дал. Колхоз у нас был: «Заря коммунизма» назывался. Ты хоть слышал про коммунизм-то? А? Чего молчишь?..

– Ты лучше про пещеру расскажи...

– Эх, ты! Неуч! Распустил вас Геннадий-то Иваныч!.. Ладно, лопухий, слухай дальше. В райцентре я припозднился. Темнеть начало. Обратно еду, погода испортилась. Ну, я свернул напрямки между Зван-горами. Ветер гудит. Деревья шумят. Конь храпит. Вижу: впереди маячит кто-то: тёмный, большой. Вроде мужик. Думал: догоню, курица спрошу у мужика-то.

Догоняю. Ага. Окликнул даже. «Закурить,» – говорю, – « не найдётся?» Глядь: а это медведь. Как заревёт он! Конь шарахнулся, меня сбросил. Я об дерево шибанулся и со страху сознание потерял. Очнулся на рассвете: холодно стало. Сыро. Роса кругом. Туман.

Очнулся. Гляжу: вроде камень большой напротив меня, а за камнем на взгорке – дыра в земле. Но, не нора, а поболе будет. И с чего, не знаю, полезть туда решил, посмотреть. Дурак же молодой, чего там!

Пролез туда, в дыру эту. А там расширение. Явно. Спичками маленько почиркал: точно, потолка даже не видно. Ну, дальше лезти не стал: сообразил хоть, что освещение у меня хиловатое. Но дури хватило «ау» крикнуть. Тут такое началось!.. Всё вокруг сыпется! Стон жуткий прям из-под земли... Никогда того не забуду!.. Ух! Аж мороз по коже!.. И вихрь поднялся. Да как швырнёт меня! Раз!.. И второй!.. И наружу меня выбросило. Как взрывом... Со страху думал, что и дух из меня вон... Да нет. Очухался. Зашибло только маленько. Домой побёг. Не оглядывался даже. Тут не шибко-то и далеко. Сам знаешь.

Дня три меня колотило со страху-то. Матери рассказать пришлось. Она мне строго-настрого тогда наказала в ту сторону не ходить.

Ну, как не ходить?! Конечно, пошёл. Только не нашёл я там ничего больше. Сколько потом ни искал: не нашёл. Я ж вам с Митькой объясняю-объясняю. А вы всё понять не хотите: пещера та существует. Только открывается она редко. И входить в неё опасно. Нелюдью оттуда тянет. И не всякий её найдёт. И не всякий в неё войдёт... И не всякий потом выйти сможет...

Дедок

Произошло это в начале 90-х. Не помню уже конкретного повода, но занесло меня однажды с коллегами по работе в саянскую горную таёжную глушь. На гусеничном вездеходе мы долго ехали по заросшей подлеском и заваленной павшинами от ветра и старости деревьями всеми забытой дороге времён толи Берии, толи Хрущёва.

Не проезжал там никто до нас лет тридцать-сорок точно. Ну, а мы с помощью стальных вездеходных гусениц и бензопилы «Дружба» всё же пробрались. И вдруг – избушка. А в ней дедок с ноготок чуть ли не мхом поросший. Как живет? Чем питается? Откуда взялся? Чудеса. Разговорились. Взаялся он из деревни Степановки, ближайшего населенного пункта, до которого отсюда вёрст 50, если не больше. Наведывается туда изредка за солью, спичками да куревом. Всё прочее добывает в тайге: и мясо, и рыбу, и ягоды, и грибы. Ни с кем не общается, документов нет, потерял говорит, некому ему их здесь предъявлять. Так и живёт один уже не первый десяток лет. Поверили деду на слово. Почаёвничали с ним и дальше ехать собрались.

Только я попрощался и вышел за порог, слышу – зовёт меня старый обратно в избушку. Одного. Ладно, вернулся. Оказывается, заметил он у меня початую пачку «Беломора» и решил себе её выпросить. Я призадумался: нам ехать ещё неизвестно сколько, а пачка у меня единственная, последняя. Парой-тройкой папирос поделиться я был готов, но отдать всю пачку – нет. Посуровел дед, нахмурился, понял, что не отдам всю пачку, однако, не отступился, просит подумать еще раз и достает откуда-то из-под тряпья соболиную шкурку, мол, давай меняться. Я опять отказываю. Он достает вторую шкурку. Я опять – в отказ. Хмыкнул дед недовольно и достал спичечный коробок. Тяжёлый такой. Я его приоткрыл, а там – золотой песок. Прикинул навскидку: грамм сто, если не больше. Только зачем он мне сейчас, если курить нечего будет? Отказался, извинился и ушёл. Дед меня понял. Не обиделся. Ценности в тайге другие, не те что в городе. Ни с соболиным мехом, ни с золотом не сравнимые. На том и расстались.

Следы минувшего

Это случилось много лет назад, когда я был молод, смел и находчив, но главное – молод. В безлюдной дикой тайге я и мои товарищи организовали работы по добыче золота. Золотая россыпь находилась под болотом на глубине от 3 до 6 метров. Чтобы добраться до россыпи, нужно было осушить болото и убрать слой торфа, под которым находился содержащий золото речной песок. Только после этого можно было начинать добычу драгоценного металла. После нескольких месяцев подготовительных работ в начале лета мы приступили к промывке песка.

Всё легкое уносила вода, а тяжёлое осаждалось на дне специальных устройств. Через некоторое время, когда мы начали проверять эти устройства, то обнаружили в них не только золотой песок, но и пули, и гильзы от использованных патронов. Им было много лет. Мы заинтересовались этим и решили посмотреть, что находится в песке. Мы обнаружили в нем остатки человеческих костей. Никто из местного населения ничего рассказывал нам об этой истории. Наверное, свидетелей массового убийства заключённых, согнанных сюда для добычи золота, за давностью лет не осталось в живых. Найденные нами кости наводили на мысль о том, что мы не первыми добывали здесь золото. Всем было понятно, что людей, которых здесь расстреливали, казнили без суда.

Вся их вина была в том, что они ослабли от голода и не могли больше работать. Их нужно было лечить и кормить, но эти больные и голодные люди не нужны были охранникам и конвойным. Ни лекарств, ни хлеба им никто не давал. Их просто убивали там, где они падали без сил. Кстати, в этой же россыпи, в том же песке, но глубже и позднее наши рабочие обнаружили огромные бивни мамонтов. Эта река называется Караган, она – приток Дикого Кана.

Помню найденные в покрытой лесом непроходимой местности, где никогда не было ни водных, ни земных путей, огромные, как египетские пирамиды, горы из сложенных в лесу спиленных и обрубленных стволов деревьев, диаметром 2 – 2,5 метра каждый ствол и длиной по 40 – 50 метров. Эти горы леса были спилены и аккуратно сложены 50 – 60 лет назад. Деревья сгнили, потому что их никто никогда никуда не мог отправить отсюда: для этого не существовало дорог. Чтобы спилить такое безумное количество деревьев, нужны были гигантские усилия множества людей.

Но эти усилия были приложены абсолютно бессмысленно: потому что плоды их труда некому и не на чем было вывезти оттуда. Люди умирали на такой работе так же бессмысленно, как и могучий лес, который погиб в гигантских бессмысленных древесных складах. Тысячи людей были преднамеренно уничтожены охраной с помощью абсолютно бесполезной и бессмысленной, непосильной работы и голода.

Самая короткая ночь

Ещё вчера утром я полагал, что давно уже сказал на эту тему всё, что мог и на что имел право... Но тема захотела вернуться ко мне сама... И вернулась, хотя и с совершенно другого ракурса.

В поездке на дачу в эти выходные не было ничего особенного. И те же шашлыки стояли «в программе дня». И та же баня. Всё, как обычно. Кроме одной детали: жена пригласила к нам гостей – семью из соседнего подъезда: маму с двумя дочками. Наш Тимур и их Соня вместе ездили в бассейн на тренировки, когда они ещё были. И, то Тимурина мама Люба, то Сонина – мама Ирина, поочередно подменяли друг друга, довозя детей до бассейна и забирая их оттуда после тренировки. Совместные проблемы сближают.

Наше садовое общество называется «Берёзовая роща». Несмотря на название, рядом с нами замечательный сосновый бор – и слева, и справа и ниже дач до самого Енисея. Красивое место. Но не берёзовое, а сосновое.

Гости подъехали на час позже нас. Люба встретила их возле сворота с автотрассы, не зная о котором или не представляя себе, как он выглядит, его можно легко проскочить. Но в этот раз обошлось без приключений. Шашлыков нажарили. Отведали. Гости попотчевали. Баньку затопили. И, хотя уже вечер, но время ещё светлое. А баньке нужно время прогреться. Чем гостей занять?

Кто-то, похоже, что Люба, предложил сходить на сельское кладбище села Овсянка, там похоронен сибирский писатель Астафьев Виктор Петрович. От нашей дачи – ходьбы минут 10 спокойным шагом, а бегом по тропке – вообще 5 минут. Гости согласились. Мы оставили Тимурино и Ланиного деда на банном хозяйстве, а сами отправились на кладбище: дети Ирины – Соня и Катя, наши дети – Тимур и Лана, подруги – Люба и Ира, ну, и я с ними – Тимурин и Ланин папа, Любин супруг. Итого семеро.

Тропинка узкая – между заборами крайних дач и лесом. Затем неглубокий овражек. И на другом краю овражка – кладбищенские задворки. Светло. Тихо. Никого кроме нас. Географически кладбище села Овсянка находится возле трассы «Енисей» справа от неё в лесном массиве, в сторону реки Енисей, если ехать из Красноярска, между сёлами Овсянка и Усть-Мана. А от нашей дачи – несколько сотен метров по пересечённой местности, на которой мои городские туфли несколько раз предательски скользили, поскольку и трава, и грунт после недавних дождей были весьма мокрыми.

Край кладбища села Овсянка представляет из себя заброшенную мусорную кучу из ветхих от старости, сгнивших и полусгнивших останков развалившихся искусственных венков, цветов, траурных лент... Всё перечисленное – в стадии крайнего разложения, не сразу можно понять, чем это всё когда-то было... Мне довелось побывать в центре Бунос-Айреса. Знаете, что находится в самом сердце аргентинской столицы? Кладбище. Чтобы попасть в него, нужно купить билеты в кассе. Потому что кладбище Реколета – национальная гордость страны! За ним уход – как за Большим театром в Москве! Знаете, куда привозят туристов со всего мира в Гаване? На кладбище Колона (так зовут Колумба в Латинской Америке). Почему? Потому что там покоятся лучшие люди той страны, которая продолжает ими гордиться, несмотря на любые времена и политические перемены.

Мы слышим и читаем постоянно о том, как красноярцы и россияне гордятся писателем Астафьевым, как они его любят. Я был на кладбище, где помимо могил семьи Астафьевых, совсем рядом в нескольких десятках метров находится мусорная куча, олицетворение реального уважения и любви к русской литературе. Там покоятся соседи, друзья, родственники великого русского писателя. Кладбище не большое, сельское, здесь все – свои, все близкие, чужих

нет... Чтобы прибраться, достаточно нескольких дней работы волонтеров. Но никого из них там не было никогда. Я верю только своим глазам.

Уважение – это там, где ухожено ВСЁ кладбище, а не одна – две могилы, а рядом – хоть трава не расти! Уважение – в Буэнос-Айресе. Уважение – в кубинской Гаване. Но не здесь. Увы.

На кладбище много семейных участков, где рядом похоронены муж и жена, иногда и их дитя, как у астафьевского комплекса из трёх могил: дочери Ирины, Виктора Петровича и его супруги – Марии Семёновны. Три надгробных камня. На первом – только имя – «Ирина». На втором – только подпись писателя и даты жизни: «1924 – 2001». На третьем скромно: «Мария Семёновна». Она скончалась в 2011, пережив великого мужа на 10 лет. На участке, в периметре ограды, напротив могил – округлая скамья. В дальнем углу – поминальный столик на несколько человек.

Рядом, на семейных участках нескольких сельчан, видимо, наиболее известных и уважаемых в кругу земляков, всё значительно скромнее, но примерно в том же духе. В одном месте, ограниченном оградой на несколько могил, заметил поминальные стаканы. В другом – специальную баночку от ветра для свечи, чтоб не сразу сбивалось пламя.

Заметил, что у некоторых могил нет могильных плит, зато внутри периметра, выложенного бордюрным прямоугольником, высажены в землю живые цветы. Значит, родные помнят человека... Постояли. Помолчали. И пошли обратно. Обратный путь, кстати, оказался вдвое короче. Начало смеркаться.

Гости и хозяйева поочерёдно парились в баньке, младшие – Сонечка и Тимур – несколько раз выскакивали разгорячённые из парной и с энтузиазмом и визгом ныряли в детский надувной бассейн с водой, прогретой за день до температуры окружающего воздуха.

Ребятня потом долго ещё не могла утомиться. То у них чаепитие, то выпрашивают сладкое, то хихикают под одеялом. Женщины с детьми улеглись на втором этаже. Мы с дедом – внизу. Дед хорошо протопил печку. В домике всю ночь было достаточно тепло. Даже душно-вато.

Проснулся я среди ночи в душевной темноте от ровного громкого неумолчного шума дождя. Не помню в каком часу. Гроыхнуло вдали. Вскоре – ближе. Затем – совсем рядом, где-то почти над дачным домиком. Добавил в чайник воды и включил его. Вышел проветриться на открытую веранду, где воздух свежий, но над головой крыша, поэтому сухо...

Все спят. Полная темнота. Ливень усиливается. То и дело грохочет гром и сверкают молнии. Вдали, через дачную улицу за чьей-то соседской оградой мигают огоньки сигнализации, вероятно, на автомобиле. Вернулся в кухню, вода закипела. Налил в кружку при свете молний. Свет не стал включать, дабы ненароком не разбудить остальных. Заварил в кружке пакетик чая и вернулся на веранду, устроился в деревянном кресле-качалке, подаренном женой на один из прошлых юбилеев. Кружку с чаем поставил перед собой на стол.

Через мгновение мне почудилось, что за мной кто-то следит. Но вокруг только шум невидимого дождя, да слабенькое отдалённое мигание чьей-то соседской автосигнализации. Больше ничего нет. Однако, ощущение чужого присутствия не исчезает, а усиливается.

Закрываю глаза и вдруг вижу перед собой одно из помещений красноярского литературного музея. Большое печальное застолье. Поминки по Астафьеву. И такой широкий печальный по-детски беззащитный голос Сергея Даниловича Кузнечихина, уже принявшего рюмку или две: «Залюбили мужика до смерти». А за порогом – вьюга плачет, завывает. Похожая на бесконечную очередь прощающихся с великим русским писателем в зале красноярского краевого краеведческого музея.

При чём тут всё это? К чему вспомнилось вдруг?.. Повеяло нездешним холодом. Раскрываю глаза и вижу на расстоянии, но не так чтобы далеко – возле дальнего угла нашей теплицы три бледных свечения и вдруг понимаю – это они! Ближнее пятно – Мария Семёновна, юркая, глуховатая, неутомная. Та, какой я её помню по жизни. За нею, как бы ею прикрыва-

емый, Виктор Петрович Астафьев, тоже в точности такой, каким я его после концерта запомнил на Пушкинском празднике: седенький, в парадном костюме и валенках. Потому что шибко у него в ту пору мёрзли ноги, несмотря на летнюю погоду.

Ирину я не помнил, третье световое пятно находилось поодаль от двух первых. В говорении слов не было никакой нужды. Мы понимали друг друга как бы из сознания в сознание, когда смысл ясен, хотя вслух ничего не произносится.

– Мария Семёновна, помните меня?

– Нет, не помню, а ты кто?

– А я с книжкой своей к Вам на этаж в Академгородке поднимался. «Вся жизнь» называлась. Вы обещали супругу передать от меня на память.

– Ой, да, где уж мне всех дарителей-то упомянуть? Не взыщи, не помню тебя, сынок. А за книжку спасибо.

– Вам спасибо, Мария Семёновна, я видел её потом в мемориальной овсянковской библиотеке-музее. В кабинете Астафьева...

– Виктор Петрович, как мне теперь Вас звать-величать? Как обращаться?

– А как раньше звал?

– Петровичем.

(Серчает)

– Ну, так и зови, как раньше звал. Разве для нас что-то изменилось?..

– Петрович, а Вы там встретили того, на чей почерк хотели взглянуть однажды в Москве?

– Николая Васильевича? Встретил. Со всеми, с кем хотел, свиделся.

– И что, он? Впрямь, без знаков препинания писал?

– Правда (Улыбается, довольный).

Дождь усиливается, вспышки молний и громовые раскаты, наоборот, начинают удаляться. Свечения, и без того, не яркие, бледнеют.

Пытаюсь напомнить Петровичу о случае, когда я явился к нему во сне.

– Помните: ко мне подъехала золотая карета. В ней открылась дверца и меня поманила чья-то старческая рука в перстнях. Не Ваша. Я вошёл в карету и в тот же миг оказался сидящим на скамейке напротив Вас в старинной венецианской гондоле, управляемой мрачноватым мужчиной в чёрном при пылающем факеле. Такие же факелы мерцали возле собора Святого Марка. Мы молча плыли по каналу... Что это было?

Однако, пока я пересказывал ему эту историю из моего давнего сна, случившегося уже после его кончины, три свечения окончательно растворились в предрассветном воздухе.

Так я и не узнал его ответа... Интернета на даче не было. Мы вернулись в город около трёх часов дня. Наконец, добравшись до ноутбука, включаю его, захожу в фейсбук и вижу приглашение на передачу Константина Александровича Кедрова, с которым мы в октябре прошлого года вместе с Костей Свиридовым и Сашей Карпенко устроили «побег» к дикому берегу Каспийского моря. Константин Александрович повествовал о Твардовском и... вдруг перешёл на Астафьева, вспомнив о том, как на церемонии награждения Пушкинской премией Виктор Петрович рассказывал ему о том, как односельчане (Константин Александрович так и не сумел вспомнить название – «Овсянка», но это в данном случае не так уж и важно) допытывались у него, как прежде у Твардовского его земляки: «А ты пишешь из того, что в памяти или... так?» «Или так» – отвечали и Твардовский, и Петрович. Я сразу представил себе выражение лица Петровича: с его всегдашней вроде простоватой, но ооочень мудрой хитринкой и лучиками улыбки в уголочках глаз.

Вот такая выдалась у меня сегодня ночь воспоминаний. Самая короткая в году, между прочим.

Ночь перед расстрелом

2016 год. 26 марта. Мост через реку Парана – государственная граница Бразилии и Парагвая. Я, четверо моих детей и жена пешком идём по мосту от бразильского берега к парагвайскому, из города Фос ду Игуасу в город Сьюдад дель Эсте. Нас никто не останавливает ни на той стороне, ни на этой. Под мостом внизу возле воды мирно загорают на солнышке кайманы – местная разновидность крокодилов. Через несколько часов мы так же пешком возвращаемся из Парагвая в Бразилию... на пограничных постах обоих берегов – у нас ни возникает никаких проблем. Вроде, как не в другую страну, а в соседнюю деревню ходили.

1979 год. Раннее утро 19 июля. Третья полка плацкартного вагона пассажирского поезда. Душно и пыльно. Я лежу на третьей полке, потому что дальше Приозёрска мне не продали билета, а значит, дальше я еду нелегально.

Советским гражданам запрещено перемещаться по территории своего государства вблизи государственной границы и находиться там без специального временного разрешения, согласованного с комитетом государственной безопасности – КГБ СССР. А получить такое разрешение очень трудная и долгая процедура. При этом в любой момент без всяких объяснений вам могут отказать.

Станция Элисенваара. Железнодорожные пути забиты грузовыми составами: цистернами с газом и нефтью, открытыми платформами с древесиной и металлом, закрытыми грузовыми вагонами. Мой поезд медленно начинает набирать скорость. Если бы я собирался пересечь советско-финскую государственную границу, то Элисенваара для этой операции – наиболее удобное географическое место. Отсюда до государственной границы ближе всего.

Но у меня иная цель. Я еду по запретной для меня и моих сограждан зоне. Без паспорта, без денег, без вещей. Почему? Без паспорта – на всякий случай. Без денег – потому что они кончились. Без вещей – потому что лето и потому, что еду ненадолго. Как я собирался вернуться? Не знаю. От Приозерска до Ленинграда у меня был билет. Дальше – ни туда, ни обратно – не было ничего.

За грязным невымытым окном мелькнула станция Лахденпохья. Солнце уже светило вовсю, когда мой пассажирский состав проследовал через Хаапалампи. Неумолимо приближалась цель моего тайного путешествия – Сортавала. Там, за ней, над озером Кармаланъярви уже маячила гора Паасо, с которой виднелись крыши посёлка Хелюля... Но туда мне было уже не нужно. Мне до моей цели оставалось 150 метров от вокзальной площади. Но эти 150 метров мне так и не удалось пройти.

Пограничники! Внизу по всему вагону началась проверка паспортов. Паспорта, как я уже говорил, у меня при себе не было. Да, и не помог бы он мне. А вот студенческая зачётка – была. Ни для чего. Случайно осталась в кармане куртки после возвращения с практики, с полевых работ. Но и это ничего не решало в моей ситуации. Вжаться в полку, переждать пограничников и выйти на вокзальную площадь: таков был мой ближайший план.

Увы, осуществиться ему было не дано. Народу в вагоне находилось немного. Паспортный контроль прошёл достаточно быстро. Я был почти уже у цели. Но бдительная женщина с ребёнком, плаксивой капризной девочкой, сидевшая глубоко внизу подо мной на нижнем сиденье, подала пограничникам знак рукой и что-то шепнула. Я почувствовал на своей лодыжке крепкую руку, тащившую меня вниз. От отчаяния я со всей силы ударил ногой по зелёной фуражке пограничника, которому принадлежала эта рука. Она отцепилась от меня, но через мгновение солдат начал звать на помощь своих сослуживцев и громко ругаться...

Сколько их было я не помню. Вообще, смутно помню все последующие события. Очнулся я в камере. Вскоре пришёл офицер. Сухонький, ниже меня ростом, лет тридцати пяти. С фамилией, которую я не забуду никогда – капитан Верёвкин. Явился он с листом чистой белой

бумаги формата А4 и потребовал, чтобы я на нём расписался. Я расписался, мне было всё равно в тот момент, потому что я понимал, что мне не позволят пройти те самые 150 метров до цели. Мне уже вообще ничего не позволят.

«Ну, и дурак!» – довольным голосом произнёс капитан Верёвкин. Фамилия, напоминающая о смерти через повешение, отметил я, молча, для себя. Он и внешне чем-то напоминал верёвку с петлёй. «Я теперь на этом листе напечатаю что угодно и объявлю, что это ты во всём сознался! Во всех злодеяниях! У меня есть твоя подпись!». Он рассмеялся, довольный своей речью. Мне было всё равно. Капитану это явно не понравилось, и он снова обратился ко мне: «Ты оказал сопротивление советским солдатам. Ты незаконно проник в приграничную запретную зону. За все эти преступления ты арестован. Будешь сотрудничать с нами?» Я продолжал молчать. «Ты отказываешься сотрудничать с властью. Ну, что ж... Готовься. Тебя расстреляют. Не сейчас. Завтра. На рассвете. В пять утра за тобой придёт конвой». «За что? А как же суд?» – я пытался возражать, но получалось как-то вяло, не убедительно. «Никакого суда для таких негодяев, как ты. Ты будешь застрелен при попытке к бегству». «Я никуда не побегу». «А нам всё равно: побежишь ты или нет. В документах будет указано: при попытке к бегству. Не ты первый, не ты последний. У нас всё отработано». На этом наш разговор завершился. Дверь моей камеры захлопнулась. Я остался один на один со своими мыслями.

С чего всё началось? С любви. Я влюбился. Без единого шанса на ответное чувство. Она не хотела ни встречаться со мной, ни общаться, ни видеть меня. Почему? Всё просто. Её сердце было занято другим. Там тоже не было взаимности. Это обстоятельство почему-то не смягчило, а ожесточило её сердце. Поэтому шансов у меня не было и не могло быть никаких. Мы не встречались. Общаться со мной она тоже категорически отказывалась. Я всё понимал, но продолжал искать какие-то пути к сближению, захотелось увидеть места, в которых она выросла, увидеть её родителей, её дом. Я сказал ей об этом. Она пожалала плечами и хмуро ответила: «Ты никогда не сможешь побывать в моих краях. Я выросла в приграничной зоне. Без пропуска туда не попасть. А пропуска тебе никто не выдаст».

Раз есть нечто невозможное, значит, надо с этим как-то справляться. И я поехал в её город, зная, что её там нет, и не зная точно: там ли её родители. Короче, поехал, не зная ничего, кроме адреса, который она сообщила мне сама, считая его физически недостижимым для меня. И оказалась права. Я добрался до её города. Но не дошёл до её дома 150 метров от вокзала.

19 июля 1979 года. Это был день моего рождения. Единственный день в моей жизни, который я провёл в тюремной камере. У меня было много времени до рассвета. Ночь только начиналась. Я стоял под маленьким зарешеченным тюремным окошком, находившимся где-то возле самого потолка, и читал наизусть свои стихи о любви, посвящённые девушке, выросшей в этом самом городе. Влюбившись, я посвятил теме любви тогда много стихов, памятью слаб не был, и читать стихи мог наизусть часами. Не знаю, слышал ли их кто-нибудь в ту ночь? По крайней мере охранники в камеру не заглядывали и читать стихи не запрещали. Временами чтение мне надоедало, тогда я умолкал. Но долго молчать, зная, что очень скоро за тобой придут и, вполне вероятно, убьют, как это и обещал капитан советских пограничных войск... было невыносимо. Невыносимо, потому что тебе только что исполнилось 19, и это – твоя последняя ночь на земле... Как уместить эти два события в своём сознании? Для чего жил? Зачем умираю? И нужно ли что-то осознавать, если всё равно через несколько часов тебя не станет – «при попытке к бегству»? А ведь как убедительно звучит! Побежал. Догнать не смогли, начали стрелять, ну, и как бы убили... в общем, случайно. Молодец, Верёвкин! Всё верно рассчитал. Кому поверят: труп или бдительным доблестным пограничникам, стоящим, как говорится, на страже интересов советского народа? Объяснил бы кто-нибудь тому народу в чём его интерес от казни 19-тилетнего юноши?

Шагреновая кожа времени неумолимо сжималась. Вот и рассвет забрезжил. Послышалось пение первых утренних птичек. Красиво поют. Душевно. Как они называются? Какая раз-

ница? Теперь уже никакой... Слышишь шаги? Всё громче. Всё ближе. Это солдатские сапоги. Чёткий, спокойный, размеренный шаг. Это за тобой... За мной? Как? Разве уже пора? Куда? Мне некуда идти. Я тут никого не знаю. «При попытке к бегству». Какому бегству? Я не побегу! Не побегу!!!

В металлической двери заскрежетал ключ. Дверь, как мне показалось, медленно, очень медленно начала открываться. За ней возникли лица в зелёных фуражках. В камеру вошли двое солдат, следом за ними – капитан Верёвкин. В руках у него была какая-то, вероятно, очень важная бумага...

Он передал её старшине, и скомандовал: «На выход!». Меня вывели во двор. Там уже стоял крытый автомобиль. Солдаты погрузили в него меня, сели сами, и машина поехала. Окон внутри салона автомобиля не было. Я не видел куда мы едем, но догадывался для чего... Невольно вспомнились знаменитые набоковские строчки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.